

Малашевская М. Н.

(Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

ЯПОНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ: ДНЕВНИКИ ПУТЕШЕСТВИЙ ИНОУЭ ЯСУСИ В ЗАПАДНЫЙ КРАЙ (1977–1980)

Аннотация: «Мои дневники путешествия по Западному краю» детально описывают четыре поездки именитого японского прозаика Иноуэ Ясуси в Восточный Туркестан в 1977–1980 гг. Писатель, увлеченный историей Китая и его Западного края, посетил Северо-Западный Китай в составе группы японских деятелей культуры на фоне улучшения японо-китайских связей. Дневник развивает тысячелетнюю дневниковую традицию японской литературы и, согласно сложившейся после реставрации Мэйдзи модели описания Китая в травелогах, фиксирует истинное положение дел в меняющемся Китае, но обращает пристальный взгляд к многовековому прошлому Китая. В статье изучается как применение данного принципа, так и комплекс представлений и образов, при помощи которых выстраивается интеллектуальная картина и пространственно-временное единство региона, с точки зрения высокообразованного представителя японской культуры.

Ключевые слова: Иноуэ Ясуси, путевая проза, Западный край, японо-китайские отношения.

Malashevskaya Maria

(St. Petersburg State University, Russia)

A JAPANESE INTELLECTUAL IN NORTH-WESTERN CHINA: INOUE YASUSHI'S TRAVELOGUES OF WESTERN REGIONS JOURNEYS (1977–1980)

Abstract: *My Travel Notes of Western Regions Journey* describe in detail four journeys of famous Japanese novelist Inoue Yasushi to East Turkestan in 1977–1980. The writer, who is passionate about history of China and its Western regions, visited north-western China as part of a group of Japanese cultural figures against the backdrop of improving Japanese-Chinese relations. The travelogue develops millennial diary tradition of Japanese literature and, according to improved model of describing China in travelogues that developed after Meiji Restoration, demonstrates true state of affairs in changed China, but the close attention is paid to China's ancient past. The paper examines both application of this principle and complex of representations and images that constitutes an intellectual picture and spatial-temporal unity of region, which were built from the point of view of highly educated Japanese intellectual.

Keywords: Inoue Yasushi, travelogue, Western regions, Sino-Japanese relations.

Путевая проза как литературный жанр описания странствий широко представлена в мировой литературе с древности и интенсивно изучается специалистами на материале разных языков мира. Для классификации поджанров употребляются разнообразные термины — травелог, путевые заметки, путевые записки, путешествие, роман-путешествие, путевой очерк, письма путешественника

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

[1, с. 78–79]. Анализируемый в представленной статье текст относится к данному жанру и наделен определенной спецификой, соединяющей как универсальные черты путевой прозы, так и особенные, свойственные японской литературе.

Отечественный литературовед В.М. Гуминский давал следующее определение: «Путешествие — жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить дополнительные — эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи» [2, с. 314–315]. Центральными элементами такого произведения выступают социо-профессиональная позиция автора-повествователя и документальность (достоверность) сообщаемой информации. В рамках жанра задан четкий критерий последовательного хронологического и географического изложения событий в соответствии с маршрутом следования, данный критерий соблюдается также в художественных произведениях о вымышленных событиях, включая научно-фантастические и фантазийные истории о путешествиях. В. А. Шачкова подчеркивает: «Маршрут... тематический и структурный стержень текста в жанре путешествия... а авторы утверждают себя как интересные рассказчики и имеют максимум возможностей для выработки индивидуального стиля» [3, с. 281].

Путевая литература (прозаическая и поэтическая) занимает видное место в японской литературной традиции и уходит корнями в опыт японских интеллектуалов по написанию дневников (*никки*, термин был позаимствован из китайской традиции — *жи цзи*), эссеистических произведений (*дзуйхицу*) и путевых дневников (*кико*, иногда используется термин «хождение», *юки*), начиная с эпохи Хэйан (794–1185). По мнению Н. И. Конрада, благодаря развитию этих жанров стал проявляться глубокий интерес к «духовному миру человека», а авторы дневников показали «тонкую наблюдательность» к «изгибам мыслей и переливам чувств» [4, с. 94–95]. В X–XIII вв. путевая дневниковая литература (*кико:бунгаку*) получила широкое развитие. Первым дневниковым произведением в истории японской литературы стал именно дневник путешествия — «Тоса *никки*» («Дневник путешествия из Тоса») Ки-но Цураюки, появившийся в 930-е гг. [5, с. 58]. В X–XI вв. значительную долю дневников составляли женские дневники, написанные на японском языке; многие дневники велись мужчинами, но они носили формальный или хозяйственный характер, должны были писаться на китайском языке (как дневники бюрократов в рамках исключительно городской аристократической культуры) и не были предназначены для сторонних читателей. Исследователи не относят данный круг *никки* к литературным произведениям [5, с. 321]. Жанровые особенности *кико:бунгаку* начали закладываться в эпоху Хэйан и получили свое продолжение как в дневниках путешественников, так и в романах-путешествиях более позднего времени. Важнейшими атрибутами японской путевой литературы стали: а) повышенный интерес к прославленным местам *мэйсё* и местам с символическим сакральным статусом благо-

даря обитанию локальных японских божеств *ками*; б) обильные стихотворные вставки (*ута-макура*), при помощи которых давалась оценка отдельным местам на маршруте вымышленного героя или автора-повествователя и выражались субъективные чувства и мысли автора или лирического героя. Путешествия по Японии стали источником эмоционального восприятия географических мест. С. Фисслер отметила: «Важность *ута-макура* и знакомство с местом посещения показывают центральное положение ностальгического начала в японской путевой литературе» [6, р. 23]. А. Н. Мещеряков справедливо подчеркивает, что японцы не стали первопроходцами в окружающем мире, поэтому их усилия до эпохи Мэйдзи были в основном направлены на путешествия по Японскому архипелагу, где они проявили повышенный интерес к ориентации в пространстве [7]. Путешествия в Китай и в Корею, начиная с середины первого тысячелетия нашей эры, не были исключительными — из Японии как страны-реципиента регулярно направлялись ученые и монахи в Китай для получения знаний от своего культурного донора. Эти поездки носили прагматический характер, а сведения о мирах за пределом срединной империи доставлялись из китайских письменных источников [8, р. 20–42]. Внешний мир был лишен поэтичности Японских островов с точки зрения японского путешественника.

С открытием Японии в середине XIX столетия ситуация резко изменилась. Японские чиновники, дипломаты, общественные деятели, писатели, художники начали исследовать внешний мир, были организованы многочисленные миссии с целью изучения западных наук и технологий, в состав этих миссий входили видные общественные деятели и мыслители эпохи. В Японии была создана дипломатическая служба по западному образцу, и японские дипломаты массово отправились на Запад: в Европу, Америку, а также в Россию. Однако если для стран восточноазиатского культурного ареала еще не была разработана система *мэйсё*, к которым мог бы стремиться японский путешественник, Китай как центр восточноазиатской цивилизации, несмотря на обрушившуюся на него в эпоху Мэйдзи критику, был знакомой за границей для японской образованной аудитории, знавшей его по классической китайской литературе, историческим сочинениям, путевым дневникам японских путешественников и паломников, которые входили в образовательный канон центральной образовательной модели в рамках *кангаку* (наук о Китае). После открытия Японии посещение Цинской империи стало особым этапом в «понимании Китая», по выражению Дж. Фогеля; это было начало актуализации знаний о Китае, когда путешественник выступал в роли первопроходца. По мнению исследователя, после 1862 г. «для того, чтобы понять Китай, необходимо было совершить туда путешествие», и только на основе личного опыта судить и транслировать идеи о Среднем государстве [8, р. xv]. В XX в., в отличие от западных путешественников, посещавших Китай ради экзотики, японцы стремились подтвердить, актуализировать и уточнить свои знания, познакомиться с реалиями обновленного Китая после Синьхайской революции. В записках «Путешествие в Китай» («Сина юки») Акутагава Рюноске, совершивший поездку в Северный, Центральный и Восточный Китай

в 1921 г., отмечены модернизационные процессы в Китайской Республике, однако, по замечанию У.Хэдберга, отдается предпочтение прошлому Китая, нежели его настоящему [9, p. 252].

В связи с империалистической политикой Японии до 1945 г. в Китае бывали многие японские интеллектуалы, политики, военные, предприниматели, однако ситуация с посещением Китая изменилась после появления в 1949 г. на политической карте коммунистического государства — Китайской Народной Республики. В целом до нормализации японо-китайских дипломатических отношений в 1972 г. визиты в Китай носили частный негосударственный характер. В Японии создавались общественные организации, способствовавшие развитию гражданской дипломатии. Одной из таких организаций стала Японо-китайская ассоциация культурных обменов (*Нихон тю:гоку бунка ко:рю: кё:кай*), созданная по инициативе бывшего премьер-министра Японии Катаямы Тэцу [10, с. 172]. Активную роль в организации и развитии культурного сотрудничества с КНР сыграл именитый прозаик Иноуэ Ясуси (1907–1991), вошедший в состав ассоциации со дня основания и возглавивший ее в 1980 г. После 1957 г. писатель посетил Китай более 20 раз, встречаясь с китайскими деятелями культуры, учеными, политиками и выступая в роли посла культуры¹ [11; 10, с. 178–179]. Из всей истории Китая история Западного края² привлекала внимание писателя более других. С началом писательской карьеры в 1950 г. он опубликовал первую новеллу «Сиккосон» («Лакированная чаша»), местом действия которой выступил Туркестан. Вплоть до первого визита в советскую часть Центральной Азии в 1965 г. [12] Иноуэ Ясуси совершал свои путешествия в Западный край посредством китайских исторических источников, японских научных исследований об истории и культуре региона и собственного воображения, использованного в написании серии рассказов, новелл и романов о китайском пограничье и Западном крае. В их число входят широко известные «Лоулан», «Дуньхуан», «Синий волк» и около десяти других произведений.

«Мои дневники путешествия по Западному краю» (*Ватаси-но сэйики кико:*) [13; 14] Иноуэ Ясуси стали продолжением его многолетних исследований и размышлений относительно истории и культуры евразийского региона, это было осуществление мечты [13, с. 14–15]. Заповедность Туркестана (Иноуэ Ясуси нашел ономим — *сэйики*, как священное место, заповедное место [13, с. 15]) и практически полная невозможность его посещения будила глубокий интерес среди японских интеллектуалов к истории и культуре Западного края. Сведения о народах, их культурных особенностях и взаимодействии с окружающими странами были известны японским мыслителям по китайским историческим сочи-

¹ В 1937–1938 гг. Иноуэ Ясуси проходил армейскую службу в Северном Китае, о чем писал в своих военных дневниках «Тю:гоку ко:гун никки» («Дневник марширующего по Китаю»).

² Сэйики, Сайики (яп.), Сию (кит.) — Центрально-Азиатский регион, Туркестан, Монголия, Южная Сибирь. Пространства Внутренней Азии и Евразии. Регион пролегания Великого шелкового пути.

нениям, однако непосредственный опыт посещения обширного евразийского региона Западного края носил скорее исключительный характер: первое такое путешествие состоялось в 1873 и 1880 гг., когда японский дипломат Ниси Токудзиро, служивший в Российской империи, совершил поездки по Центральной Азии, Сибири и Китаю. В 1886 г. были опубликованы записки его путешествия (*Тю:адзия кидзи*). Второй известный японский путешественник по Центральной Азии — ученый Отани Кодзуй, инспирировавший три экспедиции в Туркестан, Внутреннюю Монголию, Сибирь в 1902–1914 гг. Однако, несмотря на популярность Китая в качестве места посещения среди японских путешественников, Западный край оставался мало посещаем. Иноуэ Ясуси в своих автобиографических произведениях подчеркивал, что знакомство с Западным краем в среде японской интеллигенции 1930–1960-х гг. носило преимущественно теоретический характер, даже ученые исследовали культуру региона по письменным источникам, манускриптам, артефактам и трудам китайских историков [13, с. 15]. В «Моих дневниках путешествия по Западному краю» преодолевается проблема отсутствия личного опыта путешествия по западным регионам Китая, представлявших собой в имперские периоды истории Китая пограничье с миром кочевников и иных культурных народов Центральной Азии, расположенное на центральной артерии взаимообмена Востока и Запада по Великому шелковому пути (*то:дзай ко:сэ; то:дзай канкэй*).

Дневник путешествия посвящен пяти поездкам в Северо-Западный Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный округ, провинция Ганьсу КНР) в 1977, 1978, 1979, 1980 гг. Наиболее важные поездки в плане личных впечатлений для Иноуэ Ясуси состоялись в 1978 и 1979 гг., когда он впервые посетил Дуньхуан (главное *мэйсэ* всех поездок), выступивший местом действий романа «Дуньхуан», события которого разворачиваются в XI в., ознаменованном противостоянием Империи Сун (960–1279) и тангутского государства Западня Ся³. В 1979 и 1980 гг. Иноуэ Ясуси посещал Западный Китай вместе с представителями государственной радиовещательной компании NHK, и в 1980–1988 гг. был осуществлен научно-популярный проект «Шелковый путь» [15], идейным вдохновителями которого стали писатели Иноуэ Ясуси, Сибя Рётаро и Тин Сюсин, уделившие в своем творчестве большое внимание истории Великого шелкового пути и взаимодействия Китая и степных соседей на севере и западе.

«Мои дневники путешествия по Западному краю» относятся к современным японским травелогам, вобравшим методы западной путевой прозы в плане последовательности, детальности и точности изложения хода маршрута. В нем сохраняются элементы традиционного дневника: поэтическое описание природы, немногочисленные поэтические вставки, в основном из китайской классической поэзии, отсылки к китайским историческим сочинениям, внимание к *мэйсэ* — отдельным прославленным местам, таким как Дуньхуан, Миран, Тянь-Шан, Хэси,

³ В 1988 г. на основе этого романа был снят совместный японо-китайский художественный фильм «Дуньхуан», или «Шелковый путь».

Чанъань и др. Текст делится на две неравные части: детальное изложение маршрута следования во время путешествий в Северо-Западный Китай, с фотографическим описанием местности, и лирический дневник путешествия из тридцати шести стихотворений в прозе (*сирукуро:до сисю:*), вбирающий в себя эмоциональную оценку. Основная часть дневника дает тщательное изложение хода путешествия, выстроенного в строгом хронологическом порядке, некоторые записи детализируют перемещения автора-повествователя до упоминания часов и минут, создавая некоторую неравномерность времени повествования. Маршрут выступает в роли структурообразующего и сюжетообразующего элемента. Записи характеризует тщательное описание пересекаемого пространства. Как отмечал А. Н. Мещеряков: «Попадая в новое место, любой японец спешит определиться со сторонами света и тщательнейшим образом изучить карту местности, откуда завтра же ему придется уехать» [7]. Однако в сравнении с путевыми дневниками современников Иноуэ Ясуси, например Сиба Рётаро, написавшего серию «По большим дорогам» о путешествиях по Японии и зарубежным странам, дневник путешествия Иноуэ Ясуси значительно более детализирован согласно маршруту. В тексте он дает отсылки относительно путешествий западных исследователей Туркестана (Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. А. Стейн, П. Пеллио и др.), вводя эти научные знания в круг потенциально возможной цитируемой литературы. Писатель стремится к документальности, четкой фиксации фактов посещения, создавая исторический документ — уникальный журнал экспедиции, но совмещает объективный и субъективный планы личными мыслями и оценками от лица героя-повествователя, в роли которого выступает сам писатель. Иноуэ Ясуси повествует о своем собственном историко-интеллектуальном приключении, уделяя повышенное внимание характеристикам пространства и времени с фотографической точностью. Например, в первом томе указано следующее [13, с. 31–32]:

Народная коммуна Цинхэ — большое поселение, дорога уходит вправо под прямым углом. Дело в том, что отсюда до советско-китайской границы всего несколько десятков километров. Дорога начинает сильно петлять. Временами по левую руку дорогу окружает заснеженный Тянь-Шаньский хребет.

В 11 часов — впереди и по левую сторону от нас дорогу плотно обступает гребень Тянь-Шаня. Когда мы приезжаем сюда, хотя и говорим — Тянь-Шаньский хребет, мы имеем в виду нагромождение нескольких горных цепей друг на друга. Обширная равнина красива, вздымается плавными волнами, там кукурузное поле, там-сям поселения, блестят листья тополя, верблюжья колючка, белые глинобитные домишки. Все близятся к нам горные хребты. Слева за самой дальней с нахлобученной снежной шапкой горой советская территория.

11 часов 10 минут — вокруг нас раскинулись пастбища. ...Время от времени по ходу нашего движения попадают поселения. Дорога идет то вверх, то вниз, впереди краснеют отвесы скалистых гор. 11 часов 30 минут — дорога начинает уходить вправо.

Во втором томе [14, с. 92]:

5 часов 10 минут — выезжаем. Проезжаем дорожный знак — 981 километр. Вдалеке слева видно одно-единственное дерево. Думаю, человек не смог бы свыкнуться с таким бесприютным одиночеством. Там, должно быть, есть только вода. Вскоре попадаем в Гоби, кругом начинают шириться увядшие поля тамарисков. В полях, усыпанных мелкими камнями, стоят бесчисленные трупы тамарисков. Куда только достает глаз — кругом виднеются поля чайного цвета. Это полностью вымершая Гоби. По берегам рек тамариски вырастают пышными кустами, а в подобных пустынях, в Гоби — не больше верблюжьей колючки. Бескрайнее поле засохших тамарисков — они бесспорно прекрасны и так.

5 часов 20 минут — пеньки засохших тамарисков, их все меньше, проглядывает голая земля Гоби. Кое-где зеленеют кустики верблюжьей колючки.

Обездвиженная, обезвоженная, высохшая пустыня — образ, формирующий пространственное единство описываемого региона. Образным выражением, подчеркивающим главную природную характеристику региона, выступает *итибокуиссо:-най* («ни деревца, ни травинки») в сочетании со словами *сабаку* («пустыня»), *ко:бути* (пустошь) или название пустыни Гоби, Такла-Макан. Высушенные тамариски дополняют неприветливый образ региона. Горы сочетаются с широкими пространствами пустынь, по которым пролегают важнейшие транспортные артерии, такие как коридор Хэси: Иноуэ Ясуси использует аллерегию морского пространства и островов (плоскость пустынь, как морская гладь, разбавляется вздымающимися горами, подобными скалистыми островами) [13, с. 52]. Оазисы и караваны функционируют как единственная форма существования в природных условиях пустынь.

Важной интеллектуальной целью Иноуэ Ясуси является посещение мест (*мэйсё*), знакомых по китайской исторической литературе и японским научным исследованиям, и мест, описанных в его собственных романах. Приехав в 1978 г. впервые в Дуньхуан, он стремится с фотографической точностью описать окружающее пространство. Описание настоящего Дуньхуана и окружающих мест в провинции Ганьсу корреспондируют с моделью описаний, данной интеллектуалами-путешественниками, о которых писали Дж. Фогель и У. Хэдберг. Писатель отмечает модернизационные процессы в регионе после 1949 г.: «Площадь, занимаемая провинцией Ганьсу, примерно равна площади Японии. Здесь живет 18 млн человек. Население Ланьчжоу составляет 1 млн человек, а вместе с промышленными пригородами — увеличивается до 2 млн 130 тыс. Это крупнейший промышленный центр Северо-Западного Китая. В 1949 г. он был освобожден, а согласно первому пятилетнему плану, с 1953 г. здесь стали строить заводы; регион начал играть важнейшую роль в строительстве новой страны, когда здесь были размещены заводы по очистке нефти и строительству нефтеперерабатывающего оборудования» [13, с. 112–113]. Однако описание современности не вызывает эмоционального отклика и не сопровождается лиризмом, который присущ описаниям пустыни и исторических памятников. Взгляд прозаика обращен к прошлому, к историческим реликвиям интеллектуальной и религиозной истории Китая, его контактов с кочевым миром.

Посещение Пещер тысячи будд сопряжено для писателя с прогулкой по собственному роману «Дуньхуан»: «В своем романе “Дуньхуан” я написал, что эта пещера была завалена древними текстами и свитками. Естественно, заносили в нее все эти свитки с превеликим усердием, но все исчезло, и теперь тут совершенная чистота. В романе говорится, как пещеру закладывали свитками, а вот то, что здесь ничего больше нет, — это не роман, а безжалостный исторический факт, открытый благодаря Стейну⁴ и Пеллио⁵. Мир романа и реальность смешались в моей душе и запутались, потребовалось немало времени, чтобы во всем разобраться» [13, с. 179]. Первостепенная интеллектуальная задача Иноуэ Ясуси — разобраться на месте событий в том, что там происходило на самом деле. Историческое прошлое и личное творческое прошлое выступили на передний край.

В поэтической антологии о Шелковом пути стихотворения в прозе не выстроены в строгой хронологической и географической последовательности. В этих текстах создается новая поэтика внешнего мира, на основе слияния настоящего времени и прошлого. Писатель черпал идеи как из китайской классики, так и из личного опыта: в «Антологии Шелкового пути» автор совершает путешествие по маршруту китайских буддийских путешественников Фа-сяня и Сюаньцзана, он намеренно конструирует свой поэтический путь, соединяя личный опыт с опытом известных китайских предшественников. Приведем некоторые из записей, демонстрирующих взгляд Иноуэ Ясуси:

Коридор Хэси

Мы несемся на джипе по коридору Хэси. Цзюцюань, Чжангье, Уэй — грубо трясет на ухабах. Пересекаем бесчисленные красные реки, прорезаем бесчисленные песчаников волны.

2000 лет назад Хо Цюйбин гнал, гнал и окружил сюннов, тут он уничтожил их двор в Ханьнэне. Я люблю его, молодого полководца, покинувшего посясторонний мир слишком рано, лишь 24 было ему.

Вот сюнны и сложили грустные песни: «Мы потеряли наши горы Цилян. Где же пасти нам наш скот? Мы потеряли наши горы Яньчжи. Как же теперь нам завоевать поцелуй алых губ возлюбленных дев?»⁶

Остановка, на два дня, все едем да едем у подножий Циляня. Взор устремляется вдаль к очертаниям гор Яньчжи. В Чжангье встал белый месяц, в Увей — красный. Такой же месяц, каким любовался Хо Цюйбин [14, с. 201].

Апсары и тысяча будд

«Однажды, двадцать лет назад, во сне мне явились апсары. Была глубокая ночь. Сотни небесных дев, взмахивая рукавами одежд, уносились куда-то вдаль, в одну точку на

⁴ Стейн Марк Аурель (1862–1943) — археолог, этнограф, путешественник венгерского происхождения. Исследователь Восточного Туркестана.

⁵ Пеллио Поль (1878–1945) — французский востоковед-китаевед, религиовед, исследователь манускриптов из пещер Могао.

⁶ «Разъяснение исторических записок «Шицзи суоинь»: «Потеряли мы гору Цилян, и остался наш скот без приплода, потеряли мы гору Яньчжи, наши женщины не расцветут» [Жун Синьцзян. 18 лекций о Дуньхуане / пер. с кит. Л. А. Ивлева. М.: Шанс, 2019. С. 17].

небе. Прежде чем последняя из дев скрылась из виду, издали еле слышно прозвучал звон бронзового колокола футаку и позвякивание колокольчиков верблюдов», — рассказы-вал мне господин Икс, сотрудник научного института изучения культуры Дуньхуана, который 30 лет живет в редколесье у пещер Могао. Он заговорил вновь: «Был мне сон и о тысяче будд. Это случилось шесть лет назад, на рассвете, в самый разгар зимы. Вся тысяча будд вышла из своих скалистых пещер; одна половина выстроилась в пустыне, другая — у подножия горы Саньвэй».

Я затаил дыхание от удивления. Небесные девы порхают, а тысяча будд расхаживает. Мне не доводилось слышать, чтобы о подобных случаях из долгой жизни рассказывали так глубокомысленно и серьезно [14, с. 205].

Кашгар

Город, откуда видны гряды Тянь-Шаня и Памира.

Город, что укрылся на юго-западном краю Такла-Маканской пустыни.

Город, где родилась и расцвела «душистая наложница» Сянфэй⁷.

Город, где сотворена величайшая мечеть в Восточном Туркестане⁸.

Город, где базар велик, толпятся и шумят уйгуры тут.

Город, где в знойный майский день цветут пряные цветы джиды.

Тут затаилось древнее царство Шулэ.

Город, где в один прекрасный жаркий день мне суждено было упасть в беспамятстве по неизведанной причине [14, с. 233].

В приведенных отрывках, которые композиционно и тематически различны, высвечивается тема исторического наследия. В отрывке о коридоре Хэси Иноуэ Ясуси, разгоняясь по каменистой дороге на джипе, совершает путешествие во времени в эпоху династии Хань и размышляет о судьбе прославленного генерала, покорителя суннов Хо Цюйбина (140–117 гг. до н.э.), известного японским интеллектуалам по китайским историческим («Ши цзи», хроникам династии Хань и др.) и художественным произведениям. Писатель показывает единство пространства, изменяя на его просторах время и резко переносясь то в эпоху Хань, то в конец 1970-х гг., выводит формулу неизменности Сэйики. Отрывок о Кашгаре говорит о его уникальном географическом положении и славных исторических моментах, хотя шумный рынок и цветение лоха узколистного, как и в случае с месяцем в отрывке о Хэси, выявляют неизменное природное своеобразие Сэйики, обеспечивающее связь времен. В отрывке об апсарах и тысяче будд выявляется чудесное, связанное с религиозной историей края. Писатель вводит фигуру героя-очевидца, живущего длительное время в этих удивительных местах; он видит сны о божествах в пустыне, а звук колокольчика верблюда напоминает о караванной дороге, благодаря которой в Дуньхуан пришел буддизм и оазис стал религиозным центром и центром буддийской учености. Как и в новеллах о Западном крае (Лоулан), в путевых записках Иноуэ Ясуси реальное перепле-

⁷ Ипархан, или Сянфэй (1734–1788) — легендарная уйгурская наложница китайского императора Цяньлуна.

⁸ Имеется в виду дошедшая до наших дней мечеть Ид Ках, которая была построена в XV в.

тено с мистическим, пространство диктует единство форм развития культуры, которая сохраняет свои неизменные формы вне зависимости от эпохи.

Дневник путешествия Иноуэ Ясуси развивает традицию японской путевой прозы, обогащая ее новыми темами, однако в отличие от художественных произведений о Китае, которые писались в Японии, начиная с эпохи Средневековья, автор применяет принцип достоверности. Текст дневника лишен критики в отношении прошлого или настоящего коммунистического Китая, в отличие от работ современников писателя, дающих критическую оценку странам социалистического лагеря. Древняя история и движение народов по пустынным краям Великого шелкового пути создает идейный фундамент повествования, согласуясь с тематическими изменениями в японских травелогах о заграничных путешествиях начиная с эпохи Мэйдзи. Текст вбирает в себя поэтическую и эссеистическую традицию дневниковой литературы, создавая эмоциональный образ Западного края путем написания лирического дневника путешествия и описательности в отношении природы края и сюжетов из прошлого. Новшеством можно назвать то, что Иноуэ Ясуси вводит в канон цитирования сведения о путешествиях западных географов (Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, М. А. Стейна, П. Пелли и др.).

Литература

1. *Кублицкая О. В.* Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1. С. 76–84.
2. *Гуминский В. М.* Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 314–315.
3. *Шачкова В. А.* «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. 2008. № 3. С. 277–281.
4. *Конрад Н. И.* Японская литература от «Кодзики» до Токутоми. М.: Наука, 1974.
5. *Горегляд В. Н.* Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М.: Наука, 1975.
6. *Fessler S.* Musashino in Tuscany: Japanese Overseas Travel Literature, 1860–1912. Michigan: University of Michigan Press, 2004.
7. *Мещеряков А. Н.* Культурные функции японских топонимов. 2005. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Meshcher.htm> (дата обращения: 31.07.2022).
8. *Fogel A. J.* The Literature of Travel in the Japanese Rediscovery of China, 1862–1945. Stanford: Stanford University Press, 1996.
9. *Hedberg W. C.* Akutagawa Ryūnosuke's uncanny travels in Republican-era China // Japan Forum. 2017. Vol. 29. Iss. 2. P. 236–256. <https://doi.org/10.1080/09555803.2016.1225314>
10. 虞 萍. 真の「文化交流」とは何か—井上靖と冰心を通して // 名古屋外国語大学外国語学部紀要. 2012. No. 43. P. 167–202. [Юй Пин. Что такое истинный «культурный обмен» — Иноуэ Ясуси и Бинсинь // Нагоя гайкокугодайгаку гайкокугогакубу киё. 2012. № 43. С. 167–202.] (На яп. яз.)
11. 中国史を愛した日本人作家井上靖氏. [Иноуэ Ясуси, влюблённый в историю Китая.] URL: http://japanese.china.org.cn/jp/archive/zryhhj/node_2185477.htm (дата обращения: 31.07.2022). (На яп. яз.)

12. Малашевская М.Н. Культурный диалог Японии — социалистическая Евразия в 1960–1970-е гг.: визиты писателей Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы в СССР и Монголию // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 4. С. 1063–1079. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.414>
13. 井上靖. 私の西域紀行. 上巻. 東京: 文藝春秋, 1983. [Иноуэ Ясуси. Мои дневники путешествия по Западному краю: в 2 т. Т. 1. Токио: Бунгэйсюндзю:, 1983.] (На яп. яз.)
14. 井上靖. 私の西域紀行. 下巻. 東京: 文藝春秋, 1983. [Иноуэ Ясуси. Мои дневники путешествия по Западному краю: в 2 т. Т. 2. Токио: Бунгэйсюндзю:, 1983.] (На яп. яз.)
15. NHK特集「シルクロード—絲綢之路（しちゅうのみち）—」から、NHKスペシャル「新シルクロード」へ。[От спецвыпусков NHK: «Шелковый путь — Ситю:но мити» к спецпроекту NHK «Новый Шелковый путь».] URL: <https://www2.nhk.or.jp/archives/search/special/detail/?d=special002> (дата обращения: 31.07.2022). (На яп. яз.)

References

1. Kublitskaya O.V. Travel prose: Genre, style, discourse, narrative (results and prospects of studying). *Vestnik of the Mari State University*. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 76–84. (In Russian)
2. Guminsky V.M. Travel writing. *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1987. P. 314–315. (In Russian)
3. Shachkova V.A. Travelogue as a genre of fiction: Theoretical issues. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2008. No. 3. P. 277–281. (In Russian)
4. Konrad N.I. *Japanese literature from 'Kojiki' to Tokutomi*. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russian)
5. Goreglyad V.N. *Diaries and essays in Japanese literature of the 10th–13th centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1975. (In Russian)
6. Fessler S. *Musashino in Tuscany: Japanese Overseas Travel Literature, 1860–1912*. Michigan, University of Michigan Press, 2004.
7. Meshcheryakov A. N. *Cultural functions of Japanese place names*. 2005. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Meshcher.htm> (accessed: 31.07.2022). (In Russian)
8. Fogel A. J. *The Literature of Travel in the Japanese Rediscovery of China, 1862–1945*. Stanford, Stanford University Press, 1996.
9. Hedberg W. C. Akutagawa Ryūnosuke's uncanny travels in Republican-era China. *Japan Forum*. 2017. Vol. 29. Iss. 2. P. 236–256. <https://doi.org/10.1080/09555803.2016.1225314>
10. Yu Ping. What is a true 'cultural exchange' — Inoue Yasushi and Bingxin. *Nagoya gajkokugodajgaku gajkokugokakubu kiyo*:. 2012. No. 43. P. 167–202. (In Japanese)
11. *Inoue Yasushi, in love with the history of China*. URL: http://japanese.china.org.cn/jp/archive/zryhhj/node_2185477.htm (accessed: 31.07.2022). (In Japanese)
12. Malashevskaya M. N. Cultural Dialogue Between Japan and Socialist Eurasia in 1960s—1970s: Visits of Novelists Yasushi Inoue and Ryotaro Shiba to the USSR and Mongolia. *Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 1063–1079. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.414> (In Russian)
13. Inoue Yasushi. *My travel notes of Western Regions journey*: in 2 vol. Vol. 1. Tokyo, Bungei shunju:, 1983. (In Japanese)
14. Inoue Yasushi. *My travel notes of Western Regions journey*: in 2 vol. Vol. 2. Tokyo, Bungei shunju:, 1983. (In Japanese)
15. *From NHK special issues: 'Silk Road — Sichu:-no michi' to NHK special project 'New Silk Road'*. URL: <https://www2.nhk.or.jp/archives/search/special/detail/?d=special002> (accessed: 31.07.2022). (In Japanese)